

РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД НОВОЙ КНИГОЙ

ЛЫСЕНКО ВБЛИЗИ, НО ИЗДАЛИ,
ИЛИ ВЗГЛЯД НА ЛЫСЕНКОИЗМ ИЗ ХХІ ВЕКА

© 2019 г. М.Б. Конашев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: mbkonashev@mail.ru

Поступила в редакцию 22.05.2018 г.

Поступила после доработки 02.07.2018 г.

Принята к публикации 02.07.2018 г.

В статье представлены две недавно изданные за рубежом книги крупных историков биологии, посвящённые лысенкоизму, что подтверждает возрождение интереса в международном научном сообществе к этому феномену. В состоящей из двух томов первой книге “The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon” (“Противоречия Лысенко как глобальное явление”), которая вышла под редакцией В. де Йонг-Ламберта и Н.Л. Кременцова, объединены модернизированный старый и новый подходы к изучению и пониманию лысенкоизма. Автор показывает достоинства двухтомника, демонстрирующие прогресс, достигнутый за последнее время в работах по этой теме, и акцентирует внимание на некоторых недостатках издания. В другой анализируемой книге Л. Грэма (Грэхэма) “Lysenko’s Ghost: Epigenetics and Russia” (“Призрак Лысенко: эпигенетика и Россия”) рассматривается деятельность Т.Д. Лысенко и её последствия для научной культуры вообще и для современной российской науки в частности, где проблема лысенкоизма в условиях нынешнего политического контекста страны получает новый импульс. С точки зрения рецензента, книга носит дискуссионный характер и даёт серьёзный повод для размышлений не только о судьбе отечественной науки, но и страны в целом.

Ключевые слова: история биологии, лысенкоизм, экспансия лысенкоизма, реабилитация лысенкоизма, неолысенкоизм, эпигенетика, эпигенетическое наследование, российские генетики.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873896637-645>

Лысенкоизм как явление научной, общественной и политической жизни эпохи холодной войны, связанное с именем советского агробиолога академика АН СССР Т.Д. Лысенко (1898–1976), продолжает оставаться предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей, о нём до сих пор идут споры на международных конференциях. Долгое время эту псевдонаучную систему взглядов считали сугубо советской, имевшей место только в СССР. Потом область её распро-

странения расширилась, захватив бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы. В ХХІ в. в неё вошли некоторые капиталистические страны – Бельгия, Великобритания, Западная Германия, Голландия, Италия, Франция, Япония и США. При этом за пределами Советского Союза лысенкоизм рассматривался лишь в отдельных статьях [1–8] и в докладах на международных конференциях, посвящённых данной теме. Так, на VII Международной конференции Европейского общества истории науки, прошедшей в сентябре 2016 г. в Праге, состоялся симпозиум “От лысенкоизма к эволюционной биологии”, на котором были представлены три доклада по лысенкоизму в СССР и ЧССР [9–11]. В 2017 г. под редакцией В. де Йонг-Ламберта (Колумбийский университет, Университет Нью-Йорка, США) и Н.Л. Кременцова (Университет Торонто, Канада) в свет вышел двухтомник “Противоречия Лысенко как глобальное явление”, где объединены модернизированный старый и новый подходы к изучению и пониманию феномена [12].

КОНАШЕВ Михаил Борисович – доктор философских наук, кандидат биологических наук, главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН.

Книга появилась как результат двух событий, состоявшихся в США и Европе. Первое связано с проведением в декабре 2009 г. в Центре докторантуры Нью-Йоркского университета и в Институте Харримана Колумбийского университета международного семинара по лысенкоизму, организованного В. де Йонг-Ламбертом. Стимулом для его организации стала статья соредактора двухтомника Н.Л. Кременцова, ставившая под сомнение "модель советизации" в качестве основы объяснения распространения псевдонаучного направления в Европе и мире во время холодной войны и формулировавшая проблемы, которые нуждаются в дальнейшем исследовании [13, р. 179–202]. В работе семинара приняли участие около 30 историков из Канады, Чехии, Дании, Германии, Италии, Японии, Мексики, Норвегии, США и России. Доклады и дискуссии показали как значительный прогресс в изучении и понимании лысенкоизма, так и необходимость дополнительного изучения этой системы взглядов. Некоторые материалы семинара в Нью-Йорке были опубликованы в специальном выпуске международного журнала по истории биологии [14], где фактически наметилась повестка дня следующего форума. Именно лысенкоизму как глобальному явлению была посвящена конференция, прошедшая в 2012 г. в Вене. Заслушанные там доклады стали основой для подготовки двухтомника [15, р. 18–21].

Лысенкоизм в книге предстаёт как особое социально-политическое явление, которое носит не сугубо советский, а всемирный характер. Этот взгляд обосновывается во вводной редакторской статье "Возвращение лысенкоизма", состоящей из трёх частей [15]. В первой представлен наиболее полный из опубликованных биографический очерк Т.Д. Лысенко. Во второй обстоятельно рассматривается история изучения явления, основные подходы к его изучению, главные результаты этих работ и некоторые важные их особенности. В третьей части в общих чертах описываются проблемы, рождённые в ходе изучения лысенкоизма и его историографии, а также возможные направления будущих исследований.

Первый том в основном посвящён такой традиционной теме, как предпосылки и особенности возникновения лысенкоизма на его родине, в СССР, а второй — экспансии лысенкоизма за пределы Советского Союза. Модернизация старого подхода заключается в том, что предпосылки и особенности возникновения лысенкоизма в СССР и за его пределами рассмотрены шире и глубже, чем это делалось раньше, то есть с позиций социокультурного контекста, а не в рамках концепции тоталитаризма. Наглядно и полно такая модернизация выражена в статье М.Б. Тауге-

ра "Павел Пантелеймонович Лукьяненко и происхождение советской зелёной революции", в которой описываются достижения советского селекционера и растениевода в выведении высокоурожайной полукарликовой пшеницы. Автор считает, что факт проведения П.П. Лукьяненко исследований в то время, когда Т.Д. Лысенко находился на вершине власти в советской биологии, доказывает, что размах кампании против генетики был не столь широким и всесторонним, как ранее утверждалось в историко-научной литературе. В той или иной степени эта точка зрения присутствует и в других работах двухтомника. В статье одного из двух российских авторов О.Ю. Елиной "Предшественники Лысенко: Демчинские — культивирование зерновых культур на грядках" в число прародителей Лысенко включены Н.А. Демчинский (1851–1914) и его сын Б.Н. Демчинский (1877–1942), которые разработали новый метод зернового производства, сходный с более поздним методом яровизации Т.Д. Лысенко. Автор статьи задаётся вопросом: почему предложенный ими способ ликвидации постоянной нехватки продовольствия в России отклонили, в то время как метод Лысенко приняли? В статье показана роль научного сообщества в карьерном продвижении Трофима Денисовича. Автор приходит к пессимистическому выводу, что "в начале 1930-х годов советская Россия была обречена на панацею вернализации" [16, р. 59]. Этот подход получил своё развитие в статье Л. Йооса "Государственные чиновники и потенциальные учёные: как украинское Министерство сельского хозяйства обнаружило, что Лысенко сделал научное открытие". Автор ставит под сомнение широко распространённую точку зрения о советской прессе, сыгравшей важную роль в приобретении Т.Д. Лысенко известности в стране и его быстром продвижении по карьерной лестнице. Однако пресса, скорее, просто повторяла оценки и высказывания чиновников из Министерства сельского хозяйства УССР, у которых были свои мотивы для одобрения, поддержки и проталкивания Трофима Денисовича. В статье «"Мичуринизм" Лысенко и искусство в Дарвиновском музее Москвы в 1935–1964 гг.» П. Симпсон отметил влияние Т.Д. Лысенко на выставочную деятельность крупнейшего естественно-научного музея Европы. С точки зрения автора, Лысенко создал возможности для сохранения и развития музея, получения дополнительной государственной поддержки. В целом статьи, вошедшие в том 1, детально представляют начальные этапы восхождения Т.Д. Лысенко и причины возникновения феномена лысенкоизма, его воздействие на науку и страну. В частности, они служат дополнительной обширной фактологической основой,

опровергающей до сих пор существующий миф об ответственности Н.И. Вавилова за возведение Лысенко на вершины власти в советской науке.

В томе 2 рассматривается научное и культурное влияние лысенкоизма за пределами Советского Союза. Г. Пэлли и М. Миклош в статье "Оппортунизм и его осуществление: венгерское восприятие мичуринской биологии в период холодной войны" излагают хронику взлёта и падения Т.Д. Лысенко в Венгрии в 1948–1956 гг. Авторы показывают, как Лысенко в конечном счёте сам подорвал свой авторитет среди венгерских биологов. Ф. Кассат в статье "Лысенко в Белладжио: споры о Лысенко и борьба за власть в итальянской генетике (1948–1956)" описывает использование местными генетиками ситуации с Лысенко для установления контроля над биологическими исследованиями в Италии после IX Международного генетического конгресса, состоявшегося в 1953 г. в Белладжио. Из статьи К. Огины-Пэви "Национальный образец лысенкоизма в Румынии" читатель узнаёт, как национальное тяготение румынских генетиков к французской науке и культуре сказывалось на интерпретации ими неолamarкистских теорий Лысенко. По мнению автора, не в последнюю очередь в результате этого лысенкоизм в Румынии сохранялся дольше, чем в других странах, входивших в сферу влияния Советского Союза. В статье В. де Йонг-Ламберта "Г.Дж. Мёллер и Дж. Б. С. Холдейн: евгеника и лысенкоизм" детально, с точки зрения формирования эволюционного синтеза генетики и дарвинизма и создания "синтетической теории эволюции", рассматриваются взаимосвязи, сложившиеся между евгеникой и лысенкоизмом в США и Великобритании. Мёллер был убеждённым и активным сторонником евгеники, а Холдейн – скептиком, пытавшимся убедить коллегу в том, что его намерение представить И.В. Сталину позитивное значение евгеники для строительства социализма в СССР лишь помогает восхождению Т.Д. Лысенко. Как известно, позднее Мёллер стал одним из самых активных и известных критиков Лысенко, в то время как Холдейн оказался, по мнению его современников и историков науки, в компании самых важных и влиятельных защитников лысенкоизма на Западе. Сложные отношения между Мёллером и Холдейном анализируются в книге в контексте проблем, вставших перед генетиками в период перехода от Второй мировой к холодной войне. В статье Х. Сайто "Почему японские генетики проявляли научный интерес к теориям Лысенко?" анализируется интерес в Японии к изучению воззрений Т.Д. Лысенко после Второй мировой войны. У японских биологов было много причин интересоваться развитием теорий и заявлениями Лысенко.

Часть 2 тома 2 открывается статьёй Л. Кампоса "Отрицаемая диалектика: Мёллер, лысенкоизм и судьба исследований хромосомных мутаций в советской генетике", где представлена хроника изучения хромосомных мутаций в виде событий, связанных с лысенкоизмом. Хотя до начала холодной войны хромосомными мутациями занимались и в США, и в СССР, лысенкоизм, по мнению автора статьи, притормозил прогресс в этой области. В статье Дж. Маркса "Уроки Лысенко" утверждается, что недавняя реабилитация ламаркизма и сохраняющееся желание воздействовать на ход эволюции отражают устремления, неоднократно заявлявшиеся Т.Д. Лысенко. Завершается часть 2 статьёй ещё одного отечественного исследователя – Э.И. Колчинского – о попытках реабилитации лысенкоизма в современной посткоммунистической России. По мнению автора, такие попытки связаны прежде всего с националистическими настроениями, присущими не только части российского общества, но и некоторым представителям правящей элиты. Однако основная причина возрождения лысенкоизма, с точки зрения Колчинского, заключается в изменении отношения к науке как в обществе, так и в правящей элите, что не в последнюю очередь обусловлено растущим влиянием религиозного фундаментализма в стране. Возрождение лысенкоизма автор статьи объясняет также факторами, относящимися к особенностям организации биологической науки, к традициям и противоречиям, которые сохраняются в Академии наук, высших учебных заведениях и научных учреждениях, занятых прикладными исследованиями в аграрной науке. Эти структуры по-прежнему находятся во власти учеников, сторонников и защитников Т.Д. Лысенко. Такого мнения придерживается Э.И. Колчинский и в других статьях, опубликованных в российской научной периодике.

В целом двухтомник адекватно и детально воспроизводит картину развития лысенкоизма в СССР и за его пределами, а также демонстрирует значительный прогресс, достигнутый в изучении этого явления. В то же время авторам статей не удалось преодолеть старые подходы, штампы и даже некоторые предрассудки в отношении данной системы взглядов. К сожалению, по-прежнему феномен объясняется как порождение диктатуры коммунистической партии, авторы связывают его появление исключительно с тоталитарным советским или аналогичным коммунистическим государством. Распространение лысенкоизма в капиталистических странах не отрицается, но трактуется как некая специфическая и "редуцированная" форма советского явления, к тому же возникшая под прямым или косвенным влиянием длительного господства псевдонаучного

направления в СССР. В таком подходе усматривается иногда скрытое, а подчас и открытое желание защитить и обелить собственные народы и государства. Особенно ярко это проявляется в статьях авторов из бывших социалистических стран. В результате, как в "старые добрые времена" доминирования советологии в изучении лысенкоизма, незатронутыми и даже необозначенными оказались такие важные проблемы, как наличие национальных политиков и учёных, легко соглашавшихся на сотрудничество с Москвой и выполнявших её указания, причём готовность к такому взаимодействию они проявляли задолго до вхождения их стран в советский блок. Проблема тем более актуальна, что ни во Франции, ни в Японии советских "оккупационных" войск не было. Более того, в Японии находились и до сих пор базируются американские "дружественные" войска. Их присутствие в послевоенной Японии и в целом доминирование США в японской науке, политике и культуре в тот период сделало невозможным организацию работ по целому ряду направлений, "разрушив то, что, возможно, было бы процветающей областью исследования наследственности" [15, р. 25].

Другим научным трудом о лысенкоизме, изданным за рубежом два года назад, который служит серьёзным поводом для размышлений не только о судьбе отечественной науки, но и страны в целом, стала книга известного американского историка науки, профессора Массачусетского технологического института Л. Грэма "Призрак Лысенко: эпигенетика и Россия" [17].

В науке не раз случалось, что идеи, гипотезы и даже теории, выдвинутые тем или иным исследователем, сначала не принимались научным сообществом и в лучшем случае считались заблуждением или порождением его амбиций. Однако позднее оказывалось, что в принципе идеи автора справедливы, но они были неверно сформулированы в силу недостаточно зрелой на тот момент эмпирической базы, слабого экспериментального оборудования, отсутствия адекватных методов исследования и т. д. В этом смысле в области биологии обычно указывают на американского учёного-цитогенетика Б. Мак-Клинтон, автора открытия мобильных генетических элементов, или на английского биолога К. Уоддингтона, предвосхитившего эпигенетику и предложившего сам термин "эпигенетика".

Стоит, наверное, напомнить, что Б. Мак-Клинтон, исследуя причины мозаичной окраски зёрен кукурузы и нестабильного наследования этой мозаичности, открыла систему взаимодействующих доминантных генов — диссоциатора (Ds) и активатора (Ac), способных перемещаться по хромосомам. Первые её публикации и доклады на эту

тему были неправильно поняты, многие генетики их не сразу оценили. Лишь после обнаружения мобильных генетических элементов у бактерий (1960), а затем у дрозофилы (1977) "смысл и приоритет открытия Б. Мак-Клинтон стали окончательно ясны сообществу генетиков и молекулярных биологов" [18, с. 188]. В свою очередь, в конце 1930-х годов К. Уоддингтон предположил, что регуляторные продукты генов могут влиять на пути эмбрионального развития, и продемонстрировал на примере крыльев мушки-дрозофилы, как посредством систематического анализа мутаций можно изучить этот процесс. Термин "эпигенетика" Уоддингтон предложил в качестве концептуальной модели того, как гены при формировании фенотипа могут взаимодействовать со своим окружением — "эпигенетическим ландшафтом" [19]. Его гипотеза о том, что приобретённые организмом изменения в генотипе становятся наследуемыми через процесс их фиксации, названный "генетической ассимиляцией", сначала рассматривалась многими эволюционными биологами, включая Э. Майра и Ф. Г. Добржанского, как попытка обоснования ламаркизма и отрицалась ими.

Появление эпигенетики и её бурное развитие, помимо прочего, привело к переменам в сознании не только публицистов, но и ряда учёных, которые стали утверждать, что идеи и теории Т. Д. Лысенко — это вовсе не псевдонаука, а, напротив, научное знание, намного опередившее своё время и предвосхитившее эпигенетику. Более того, на основании факта передачи организмами "экологически вызванных" генных модификаций некоторые стали делать заявления, что Т. Д. Лысенко нужно признать предшественником эпигенетики.

Так ли это? Книга Л. Грэма есть не что иное, как попытка ответить на этот и другие вопросы, связанные с ним. Причём российские коллеги, с которыми советовался историк науки, предлагали заняться иной темой, но он выбрал именно лысенкоизм и эпигенетику.

Попытку автора "Призрака Лысенко" разоблачить в том, прав ли был Лысенко, отмечают разные рецензенты. "Главный вопрос Грэма в том, — говорит один из них, — возмещают ли эпигенетика и генная инженерия о начале новой эпохи в нашем понимании эволюции. Был ли Жан-Батист Ламарк (и потому Лысенко) прав, в конце концов, в утверждении, что изменения в организме могут быть переданы непосредственно следующему и, возможно, последующим поколениям?" [20, р. 220]. Именно в свете успехов эпигенетики "автор и ставит вопрос: а не прав ли Лысенко, в конце концов?" — пишет другой рецензент [21, р. 224]. Исследования в этой области, замечает третий, "показали, что изменения

окружающей среды могут затронуть экспрессию генов (не изменяя генетический код) и что кардинально в некоторых случаях и через пока ещё неизвестный механизм получающийся фенотип может быть унаследован. Грэм спрашивает, доказывают ли эти исследования правоту Лысенко" [22, р. 511].

Между тем в интерпретации Л. Грэма вопрос звучит так: "С осознанием того, что наследование приобретённых признаков может случиться, был ли Лысенко прав?" И тут же звучит ответ: "Нет, не был" [17, р. 139]. Далее автор задаёт себе и читателям другой вопрос: о чём теперь думают при упоминании имени Лысенко? О концепции наследования приобретённых признаков или о "некомпетентном учёном, который с помощью государственных репрессий навязывал политически свои взгляды другим"? И снова следует его однозначный ответ: "Вторая интерпретация является, по моему мнению, обоснованной. Нет, в конце концов, Лысенко не был прав" [17, р. 144].

Однако основное содержание книги посвящено не прямому обоснованию ошибочности утверждений Т.Д. Лысенко, а описанию и анализу некоторых исторических условий и обстоятельств, которые привели к тому, что его идеи, как и он сам, определённый период господствовали в советской биологии и оказались востребованы в постсоветской России. Начинает Л. Грэм с обоснования актуальности проблемы наследования приобретённых признаков и истории этой концепции, бегло прослеживая её от Гиппократов до Ж.Б. Ламарка и И.П. Павлова в главах 1 и 2 "Дружелюбные сибирские лисицы" и "Наследование приобретённых признаков". А заканчивает тему П. Каммерером в главе 3 "Пауль Каммерер, несносный ребёнок биологии", которая, по мнению Л. Грэма, наглядно демонстрирует связь концепции наследования приобретённых признаков и политики. Здесь описана неудачная попытка П. Каммерера доказать наследование приобретённых признаков в экспериментах с жабой-повитухой, завершившаяся самоубийством зоолога в 1926 г. после выдвинутого против него обвинения в научной фальсификации, которая якобы понадобилась учёному, чтобы "доказать" наследование приобретённых признаков. В этой же главе Л. Грэм рассказывает о сотрудничестве наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского с немецкой кинокомпанией, снявшей по сценарию, написанному Анатолием Васильевичем совместно с Г.Э. Гребнером, немой фильм "Саламандра", в котором П. Каммерер представлен жертвой низкого заговора с целью дискредитировать его исследования. При этом Л. Грэм обращает внимание читателя на то, что в конце фильма речь идёт вовсе не о реальном самоубийстве П. Каммерера,

а о том, как он переезжает в Советский Союз, чтобы продолжить работу над изучением наследования приобретённых признаков. В главе 4 "Великая дискуссия по вопросу наследственности человека, разразившаяся в России в 1920-х годах" автор представляет различные точки зрения, существовавшие в то время в советской биологии на этот счёт. К концу 1920-х годов, по Л. Грэму, к менделевской генетике в партийных кругах относились с подозрением, ламаркизм был принят, но только по отношению к растениям и животным, а евгеника отклонена [17, р. 66, 67]. В сложившейся ситуации Т.Д. Лысенко, который внимательно следил за сменой политических настроений, занялся проверкой своих идей на растениях и животных, резко нападая при этом на оппонентов.

Затем автор в главе 5 "Лысенко вблизи" перемещает своё повествование в 1970-е годы, но ограничивается рассказом о том, как он после нескольких безуспешных попыток взять интервью у "народного академика" встретил его случайно в 1971 г. в столовой Центрального Дома учёных в Москве. Рассказ Л. Грэма об этом чередуется с размышлениями о Т.Д. Лысенко, об устройстве советской науки и страны в целом, а заканчивается признанием, что в результате беседы он "не изменил свою точку зрения на его личную ответственность за трагедию советской генетики, но так или иначе лучше понял природу и скрытые мотивы его тирании" [17, р. 78]. Изложение сопровождается пассажем, напоминающим множество клише из прежних и современных западных СМИ: "Мы должны признать, что не можем быть уверены, что причиной ареста всех этих генетиков были их генетические воззрения. Люди по всему Советскому Союзу в те годы арестовывались по ложным обвинениям за множество инкриминируемых им преступлений. Но многие российские генетики полагали, что причиной арестов был их отказ принять доктрины Лысенко, и во многих случаях они, конечно, были почти правы" [17, р. 79]. В конце главы Грэм указывает, что для ответа на вопрос, был ли прав Лысенко или нет, необходимо "более тщательно посмотреть на научную работу Лысенко" [там же].

Именно этому и посвящена глава 6 "Биологические взгляды Лысенко", в которой Л. Грэм критически, но взвешенно и обстоятельно рассматривает и оценивает работы и идеи Лысенко с учётом знаний, полученных в биологии в XX в. При этом, завершая повествование, подчёркивает: "Лысенко сделал много утверждений, которые не принимались генетикой его времени и не принимаются сегодня... Сегодня, хотя наше генетическое знание намного глубже, чем в лучшую пору Лысенко, представляется, что нет никаких причин для того, чтобы принять его утверждения" [17, р. 99].

В главе 7 "Эпигенетика" автор разъясняет, почему идеи и теории Т.Д. Лысенко нельзя признать предвестниками эпигенетики. По Л. Грэм, в течение последних 20 лет теория наследования приобретённых признаков "принимается многими как обоснованная, по крайней мере, в некоторых случаях и в определённое время", однако «некоторые предпочитают не использовать [старый] термин, говоря вместо этого о "эпигенетическом трансгенерационном наследовании"» [17, р. 101]. Автор сжато, всего на трёх страницах, излагает результаты нескольких экспериментов, доказывающих эпигенетическое наследование, и их восприятие, в основном критическое, научным сообществом, но завершает изложение неожиданным утверждением, что развитие эпигенетики послужило основой для пересмотра российскими учёными их отношения к Т.Д. Лысенко и его идеям [17, р. 105–108]. Неожиданна эта мысль потому, что выше он сам констатировал: хотя полученные в экспериментах результаты были противоречивыми, "сотни публикаций, постулирующих такое эпигенетическое трансгенерационное наследование у людей и животных, появились в солидных академических журналах и в популярной прессе" [17, р. 104]. Иначе говоря, "победа над генами" (заголовок одной из статей в газете "Дер Шпигель") на самом деле имела двусмысленный характер и была сенсационно подана в западных СМИ.

Заключительные три главы (8, 9, 10) – "Новейшее возрождение лысенкоизма в России", "Неожиданные следствия неолысенкоизма" и "Антилысенковские российские сторонники наследования приобретённых признаков" – описывают и объясняют возникновение неолысенкоизма в современной России. Именно эти главы и глава 5, где речь идёт о встрече автора с Т.Д. Лысенко, по мнению рецензентов, наиболее примечательны. Один из рецензентов даже признался, что рассказ о встрече является изюминкой книги [21, р. 224].

Возможно, эти страницы представляют наибольший интерес и для отечественного читателя, как и выводы, к которым пришёл автор, сформулировав их в концентрированном виде следующим образом: "Без полного знания и умения в молекулярной биологии, которые основываются на принципах, отличных от лысенковской биологии, высокое положение в медицине недостижимо. Талантливые исследователи в российской биологии понимают это очень хорошо. Их руководители (и даже Путин и его компаньоны) также понимают это". А потому, делает вывод Л. Грэм, опасность, что "лысенкоизм снова возьмёт верх над академической генетикой, невелика" [17, р. 142, 143].

Но это вовсе не значит, что никакой опасности нет. Напротив, опасность есть, она огромна и заключается в том, что "сторонники Лысенко будут влиять на общественное восприятие и даже на школьное образование" [17, р. 143]. Причём угроза неолысенкоизма состоит не только в этом. Неолысенкоизм "искажает наше понимание прошлого. Не только прошлого России, но и нашего тоже" [там же]. Дело в том, что многие оправдывают Т.Д. Лысенко, ссылаясь на достижения современной науки, включая эпигенетику. К сожалению, и в России, и на Западе, считает Л. Грэм, склонны лояльно интерпретировать эту личность: "Лысенко был отвратительным человеком, но нам следует допустить, что он был прав относительно наследования приобретённых признаков, и поэтому он заслуживает большего доверия, чем имел в прошлом" [17, р. 143]. Л. Грэм приводит несколько примеров таких интерпретаций в западных журналах и тут же подчеркивает, что "новые биологические знания, которыми мы теперь обладаем, включая эпигенетику, не возникли из чего-то, что сделал Лысенко; они являются результатом классической генетики, которую он отвергал с презрением" [там же].

Эта часть труда Л. Грэма послужила основанием для определённых выводов рецензентов о лысенкоизме. Как политкорректно отмечает один из них, главный вывод книги состоит в том, что "недавнее усилие реабилитировать Трофима Лысенко может быть понятным, но представляет очень некорректный подход к науке" [20, р. 220]. Другой утверждает, что основная задача книги – "объяснить недавнюю реабилитацию Лысенко и его научных взглядов некоторой частью российского общества, подкрепив её успехами в эпигенетике" [21, р. 224]. По мнению третьего рецензента, ценность книги в том, что она точно описывает картину современного лысенкоизма в России и причины его появления [22, р. 512]. Сходное объяснение возникновения неолысенкоизма предлагает российский историк науки [23, р. 227]. Наконец, ещё один рецензент подчёркивает глубокий смысл и актуальность понятия "лысенковщина", которое является глобальным, а не специфическим советским явлением [24].

В зарубежной периодике книга и её автор получили восторженные отзывы. Стиль Л. Грэма в них оценивается как комбинация "добродушного повествования и строгого [научного] исследования", а само издание – как "уникальный ресурс для любого, кто надеется понять сложную интеллектуальную и научную жизнь России" [20, р. 220]. В другом отклике [25] Л. Грэма называют выдающимся среди американцев историком советской науки. Ещё один рецензент, отмечая многолетний персональный интерес автора к теме, оценивает

его труд как "краткую и провоцирующую мысль" [21, p. 224].

Некоторые рецензенты (правда, немногие) тем не менее высказывают свои замечания. Одно из них заключается в том, что Л. Грэм, возможно, преувеличивает степень неприятия концепции наследования приобретённых признаков на Западе, где были учёные, которые отстаивали эту и подобные научно необоснованные концепции в небольших книжечках для широкой публики [22, p. 511, 512].

Отметим, что у книги действительно есть ряд огрехов, но они могут быть замечены только российскими читателями. Например, в главе 5, текст которой является частью двух других изданий Л. Грэма [26, p. 120–127; 27, p. 68–81], переведённых на русский язык [28, с. 42–51], автор пишет: "Феодосий Добржанский сбежал в Соединённые Штаты, чтобы избежать политического контроля, и стал там известным учёным... Н.В. Тимофеев-Ресовский, выдающийся генетик, эмигрировал в Германию, был арестован в Берлине и возвратился в СССР только много лет спустя. В целом несколько сотен генетиков было репрессировано" [17, p. 79; 28, с. 49].

Что тут не так? На самом деле один из крупнейших биологов современности, генетик и эволюционист Ф.Г. Добржанский (1900–1975) вовсе не сбежал в Соединённые Штаты, а вынужден был там остаться после безуспешных попыток вернуться на родину [29], и Л. Грэму это хорошо известно. Один из основоположников радиационной генетики, биоценологии и молекулярной биологии Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981) не эмигрировал в Германию, а в 1925 г. по приглашению германского Общества кайзера Вильгельма по развитию науки и по настоянию наркома здравоохранения РСФСР и СССР Н.А. Семашко уехал в Берлин, где сначала работал научным сотрудником, а затем стал руководить отделом генетики и биофизики в Институте исследований мозга имени кайзера Вильгельма в пригороде Берлина Бухе. Хотя он действительно был арестован в Берлине 13 сентября 1945 г., но в том же году, а не много лет спустя, этапирован в Москву. В 1946 г. его приговорили к 10 годам лишения свободы по обвинению в измене Родине. Но в 1947 г. в связи с работами по созданию атомной бомбы Н.В. Тимофеева-Ресовского как специалиста по радиационной генетике перевели из лагеря на "Объект 0211", где он заведовал биофизическим отделом. В 1951 г. учёного освободили из заключения, а в 1953 г. сняли с него судимость. Но реабилитация произошла посмертно только в 1992 г. [30, с. 24, 25]. К тому же в 1945 г. он вернулся из Германии не в Россию, как утверждается в английском оригинале, а в СССР.

Наконец, Грэм пишет о сотнях репрессированных генетиков, но не указывает источник, на котором основывается это утверждение. В действительности цифры репрессированных генетиков и специалистов смежных дисциплин таковы. В основном в первой половине 1930-х годов было арестовано и расстреляно восемь человек: И.И. Агол, Н.К. Беляев, С.Г. Левит, академик ВАСХНИЛ Г.К. Мейстер, академик Г.А. Надсон, В.Н. Слепков, Г.Г. Фризен, В.П. Чехов; в ссылке покончил с собой Л.В. Ферри [31, с. 107]. К репрессиям этих восьми человек Т.Д. Лысенко никакого отношения не имел. Н.И. Вавилова арестовали в августе 1940 г., а в начале 1941 г. были арестованы и погибли его ближайшие сотрудники и друзья генетики Г.Д. Карпеченко, член-корреспондент АН СССР Г.А. Левитский и растениеводы Л.И. Говоров и К.А. Фляксбергер. Директора Одесского селекционно-генетического института Ф.С. Степаненко арестовали в 1936 г., а летом 1937 г. был арестован и затем расстрелян президент ВАСХНИЛ А.И. Муралов. В августе того же года его участь разделил исполнявший непродолжительное время обязанности президента ВАСХНИЛ Г.К. Мейстер. Таким образом, во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов было расстреляно ещё восемь человек, и к этим расстрелам Т.Д. Лысенко уже имел прямое отношение [31, с. 108]. Список всех репрессированных генетиков приведён в книге И.А. Захарова [31, с. 113–123]. После войны генетиков среди арестованных не было, а вот борющиеся с Т.Д. Лысенко лишились работы. Таким образом, по его вине было репрессировано восемь, а не сотни человек. О сотнях может идти речь, если в число репрессированных включать всех лишившихся работы по специальности, но автор явно имел в виду не это.

В итоге из-за таких, на первый взгляд, мелочей искажается история не только отечественной генетики, но и всего советского периода развития нашей науки и страны. Искажается то, против чего выступает сам Л. Грэм. Приходится писать об этом с большим сожалением, поскольку автор книги – не только профессиональный историк науки, получивший широкую известность прежде всего благодаря книгам о проблемах развития науки в СССР [26, 27], но и настоящий друг нашей страны, который пытается ей помочь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hoxtermann E.* "Klassenbiologen" und "Formalgenetiker". Zur Rezeption Lyssenkos unter den Biologen in der DDR // *Acta Historica Leopoldina.* 2000. V. 36. P. 273–300.

2. *De Jong-Lambert W.* From Eugenics to Lysenkoism: The Evolution of Stanisaw Skowron // *Historical Studies in the Natural Sciences*. 2009. V. 39. P. 269–99.
3. *Hagemann R.* How Did East German Genetics Avoid Lysenkoism? // *Trends in Genetics*. 2002. V. 18. P. 320–240.
4. *Harman O. C.D.* Darlington and the British and American Reaction to Lysenko and the Soviet Conception of Science // *Journal of the History of Biology*. 2003. V. 36. P. 309–352.
5. *Iida K.* Practice and Politics in Japanese Science: Hitoshi Kihara and the Formation of a Genetics Discipline // *Journal of the History of Biology*. 2010. V. 43. P. 529–570.
6. *Куприянов А.В.* Советский творческий дарвинизм (1930–1950) // *Историко-биологические исследования*. 2011. Т. 3. С. 8–31.
7. *Schandevyl E.* Soviet Biology. Scientific Ethos and Political Engagement: Belgian University Professors and the Lysenko Case // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2003. V. 2. P. 93–107.
8. *Wolfe A.J.* What Does It Mean to Go Public? The American Response to Lysenkoism. Reconsidered // *Historical Studies in the Natural Sciences*. 2010. V. 40. P. 48–78.
9. *Konashев M.B.* Soviet evolutionary biology and Th. Dobzhansky's critics of lysenkoism // *Book of Abstracts*. 7th International Conference of the European Society for the History of Science. Prague, Czech Republic. 22–24 September. 2016 / Ed. by K. Chemla, P. Svobodný, M. Sekyrková, R. Vojtěch. Prague, 2016. P. 118–119.
10. *De Jong-Lambert W.* Histories of Lysenkoism Continued: A.E. Stepushin and why is there no English translation for "Lysenkovichina"? // *Book of Abstracts*. 7th International Conference of the European Society for the History of Science. Prague, Czech Republic. 22–24 September. 2016 / Ed. by K. Chemla, P. Svobodný, M. Sekyrková, R. Vojtěch. Prague, 2016. P. 119
11. *Stella M.* Bad guys turned to good guys: Milan Hašek. VJA Novák and others on the way from Lysenkoism to mainstream science in Czechoslovakia. 1950–1980 // *Book of Abstracts*. 7th International Conference of the European Society for the History of Science. Prague, Czech Republic. 22–24 September. 2016 / Ed. by K. Chemla, P. Svobodný, M. Sekyrková, R. Vojtěch. Prague, 2016. P. 119–120.
12. *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon*. V. 1, 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / Ed. by W. de Jong-Lambert, N.L. Kremenstov. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.
13. *Kremenstov N.L.* Lysenkoism in Europe: Export-Import of the Soviet Model // *Academia in Upheaval. Origins. Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe* / Ed. by M. David-Fox, G. Peteri. N.Y.: Garland Publishing Group, 2000.
14. *De Jong-Lambert W., Kremenstov N.L.* The Lysenko Controversy and the Cold War // *Journal of the History of Biology*. 2012. V. 45. № 3. P. 373–388.
15. *Kremenstov N.L., de Jong-Lambert W.* "Lysenkoism" Redux: Introduction // *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon*. V. 1. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / Ed. by W. de Jong-Lambert, N.L. Kremenstov. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.
16. *Elina O.Yu.* Lysenko's Predecessors: The Demchinsky's and the Bed Cultivation of Cereal Crops // *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon*. V. 1. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / Ed. by W. de Jong-Lambert, N.L. Kremenstov. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.
17. *Graham L.* Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge: Harvard University Press, 2016.
18. *Богданов Ю.Ф.* К девяностолетию со дня рождения Барбары Мак-Клинтон // *Генетика*. 1992. № 6. С. 185–189.
19. *Robertson A.* Conrad Hal Waddington, 8 November 1905 // *Biogr. Mem. Fell. R. Soc.* 1977. V. 23. P. 575–622.
20. *Balzer H.* Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia by Loren Graham (review) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. V. 19. № 2. P. 220–222.
21. *Oldfield J.* Loren Graham. Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge, London: Harvard University Press, 2016.
22. *Hill-Andrews O.* Loren Graham, Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia // *The British Journal for the History of Science*. 2016. V. 49. № 3. P. 511–512.
23. *Kolchinsky E.I.* Current Attempts at Exonerating "Lysenkoism" and Their Causes // *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon*. V. 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / Ed. by W. de Jong-Lambert, N.L. Kremenstov. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.
24. *De Jong-Lambert W.* Review of Loren R. Graham / Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge: Harvard University Press, 2016.
25. *Legvold R.* Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2016-08-11/lysenkos-ghost-epigenetics-and-russia> (дата обращения 25.04.2018).
26. *Graham L.* Moscow Stories. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
27. *Graham L.* Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge, London: MIT Press, 2013.
28. *Грэм Л.П.* Лысенко вблизи // *Историко-биологические исследования*. 2018. Т. 10. № 1. С. 42–51.
29. *Конашев М.Б.* Страсти по Феодосию, или Как и почему Ф.Г. Добржанский стал "невозвращенцем" // *Вестник ВОГиС*. 2013. № 1. С. 202–209.
30. *Иванов В.И., Богданов Ю.Ф., Ляпунова Н.А.* Жизненный и творческий путь Н.В. Тимофеева-Ресовского // *Тимофеев-Ресовский Н.В. Избранные труды* / Под ред. О.Г. Газенко, В.И. Иванова. М.: Наука, 2009.
31. *Захаров И.А.* Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики. М.: ИОГен РАН, 2000.

LYSENKO UP CLOSE, BUT FROM AFAR, OR LYSENKOISM FROM THE XXIST CENTURY

© 2019 M.B. Konashev

*St. Petersburg Branch of the Institute of the History of Science and Technology
named after S.I. Vavilov, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: mbkonashev@mail.ru*

Received 22.05.2018

Revised received 02.07.2018

Accepted 02.07.2018

This paper reviews two books on Lysenkoism recently published outside of Russia. These two publications confirm the revival of interest in this phenomenon by the international scientific community. The first book, "The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon", which comprises two volumes edited by William De Jong-Lambert and Nikolai L. Krementsov, integrates old and new approaches to studying and understanding Lysenkoism. The merits and demerits of the two-volume publication confirm the progress in the study of this subject. Loren Graham's book, "Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia", describes Trofim D. Lysenko's activities and their consequences for the development of science in Russia. Graham focuses on Lysenkoism under historical conditions and in the current Russian political context. In the reviewer's opinion, the book has a debatable character and provides serious reasons to reflect on the fate of Russian science and the fate of the country.

Keywords: history of biology, lysenkoism, expansion of lysenkoism, rehabilitation of lysenkoism, neolysenkoism, epigenetics, epigenetic inheritance, Russian geneticists.